

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта «б» части второй статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.С.Великанова

город Санкт-Петербург

31 марта 2023 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации и части первой статьи 17 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В.С.Великанова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Н.Кокотова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту «б» части второй статьи 158 «Кража» УК Российской Федерации кража, совершенная с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище, наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового.

Часть первая статьи 17 «Свобода оценки доказательств» УПК Российской Федерации предусматривает, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

1.1. Приговором Котельниковского районного суда Волгоградской области от 12 февраля 2021 года заявитель по настоящему делу – гражданин В.С.Великанов признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 105 и пунктом «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации. По совокупности преступлений ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок восемь лет и три месяца с отбыванием в исправительной колонии особого режима.

Согласно приговору 5 мая 2018 года в период с 21 часа до 22 часов виновный, реализуя умысел на тайное хищение чужого имущества, подошел к заднему входу расположенного на территории его домовладения помещения, в котором размещалась парикмахерская. Сняв при помощи монтировки с петель

дверь, он проник в помещение и тайно похитил оттуда микроволновую печь, принадлежащую гражданке К. и оцененную позднее в две тысячи сто рублей.

В.С.Великанов, не согласившись с приговором, обжаловал его. Он указал, что помещение, из которого совершена кража, принадлежит ему на праве собственности, а договора аренды этого помещения он ни с кем не заключал. Поэтому такой квалифицирующий признак кражи, как незаконное проникновение в помещение, ему вменен необоснованно. С учетом же стоимости похищенного его деяние должно квалифицироваться как мелкое хищение, ответственность за которое предусмотрена статьей 7.27 КоАП Российской Федерации.

Однако решениями вышестоящих судебных инстанций (апелляционное определение Волгоградского областного суда от 20 апреля 2021 года, кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 22 декабря 2021 года и постановление Верховного Суда Российской Федерации от 23 августа 2022 года) приговор оставлен без изменения. При этом суды мотивировали свои решения в числе прочего тем, что, исходя из обстоятельств дела, виновный не имел права на свободный доступ в помещение парикмахерской, из которого совершена кража, а значит, им содеянное квалифицировано правильно.

По мнению В.С.Великанова, пункт «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации и часть первая статьи 17 УПК Российской Федерации не соответствуют статьям 2, 6 (часть 2), 8 (часть 2), 15 (части 1 и 2), 16, 17, 18, 19 (части 1 и 2), 35 (части 1, 2 и 3), 36 (части 1 и 2), 40 (часть 1), 45, 46, 47 (часть 1), 49 (части 2 и 3), 50 (часть 3), 55, 64, 118 (части 1 и 2), 120, 123 (часть 3) и 125 (часть 6) Конституции Российской Федерации, поскольку они позволяют судьям, оценивающим доказательства по своему внутреннему убеждению, признавать незаконным проникновение лица в помещение, принадлежащее ему на праве собственности, привлекая это лицо к уголовной ответственности за деяние, являющееся, по сути, мелким хищением чужого имущества, т.е. административным правонарушением.

1.2. В соответствии со статьями 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод нормативным актом, если придет к выводу, что имеются признаки нарушения прав и свобод гражданина в результате применения оспариваемого акта в конкретном деле с его участием, при разрешении которого исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты, а также неопределенность в вопросе о том, соответствует ли акт Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл оспариваемых положений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, исходя из их места в системе правовых норм и не будучи связанным изложенными в жалобе основаниями и доводами.

Оспариваемая В.С.Великановым часть первая статьи 17 УПК Российской Федерации, закрепляя принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, и предписывая уполномоченным лицам руководствоваться при этом законом и совестью, подлежит применению в системной связи с иными нормами, устанавливающими порядок собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, включая статьи 74, 75, 81, 87, 88, 234 и 235 данного Кодекса. Указанные статьи не содержат положений, освобождающих суд, прокурора, следователя и дознавателя от обязанности исследовать доводы подозреваемого и обвиняемого о признании тех или иных доказательств не имеющими юридической силы и при возникновении сомнений в допустимости или достоверности этих доказательств – отвергнуть их в соответствии с требованиями статей 49 (часть 3) и 50 (часть 2) Конституции Российской Федерации (определения Конституционного Суда Российской Федерации).

Федерации от 25 января 2005 года № 45-О, от 12 июля 2005 года № 323-О, от 22 марта 2012 года № 430-О-О, от 30 ноября 2021 года № 2565-О, от 27 января 2022 года № 141-О и др.). Следовательно, часть первая статьи 17 УПК Российской Федерации, взятая в системе действующего правового регулирования, не вызывает сомнений в своей конституционности в указанном заявителем аспекте, а производство по настоящему делу в этой части подлежит прекращению в силу статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является пункт «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации в той мере, в какой на его основании решается вопрос о квалификации в качестве кражи, совершенной с незаконным проникновением в помещение, деяния, заключающегося в тайном хищении лицом чужого имущества из принадлежащего ему на праве собственности (ином праве) помещения либо иного хранилища, которым временно владеет и пользуется другое лицо.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства, закрепляет в числе основных прав, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения, право частной собственности, которая в России равным образом признается и защищается наряду с иными формами собственности (статья 2; статья 8, часть 2; статья 17, часть 2). Каждый вправе иметь имущество в собственности, использовать его для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими; право частной собственности охраняется законом, и никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (статья 34, часть 1; статья 35, части 1, 2 и 3, Конституции Российской Федерации).

Интересами защиты права собственности – которое, как и все другие непосредственно действующие права и свободы, определяет смысл, содержание

и применение законов, деятельность органов публичной власти и обеспечивается правосудием (статья 18 Конституции Российской Федерации) – обусловлена необходимостью эффективных мер публично-правовой, в том числе уголовной, ответственности за его нарушение. Установление таких мер, направленных на защиту собственности от преступных посягательств, Конституция Российской Федерации возлагает на законодателя, предоставляя ему достаточно широкую свободу усмотрения, но одновременно обязывая руководствоваться имеющими универсальное значение и по своей сути относящимися к основам конституционного правопорядка общими принципами юридической ответственности, включая принципы юридического равенства и правовой определенности, а также принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), которые получили конкретизацию в ее статьях 19 (часть 1) и 54 (часть 2).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, требования определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в общей системе регулирования приобретают особую значимость применительно к уголовному закону, являющемуся по своей правовой природе крайним, исключительным средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом только с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности. В силу этого любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем так, чтобы исходя непосредственно из текста нормы – в случае необходимости с помощью данного ей судами толкования – каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий или бездействия (постановления от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 июня 2014 года № 18-П и др.).

При этом оценка степени определенности содержащихся в уголовном законе понятий должна осуществляться исходя не только из используемых в нем формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний.

Регулятивные нормы, непосредственно закрепляющие те или иные правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же нормативном правовом акте, что и нормы об ответственности за их нарушение (постановления от 27 мая 2003 года № 9-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 27 февраля 2020 года № 10-П и др.). Реализация общеправовых принципов в сфере уголовно-правового регулирования предполагает, с одной стороны, использование средств уголовного закона для защиты граждан, их прав, свобод и законных интересов от преступных посягательств, а с другой – недопущение избыточного ограничения прав и свобод при применении мер уголовно-правового принуждения. Законодатель, призванный действовать в общих интересах, обязан обеспечить на основе этих принципов, выступающих конституционным критерием оценки законодательного регулирования прав и свобод, дифференциацию мер уголовно-правовой ответственности, отвечающую требованиям справедливости, разумности и пропорциональности (постановления от 20 апреля 2006 года № 4-П, от 11 декабря 2014 года № 32-П, от 12 января 2023 года № 2-П и др.).

Сказанное означает, что, определяя меры уголовно-правовой защиты всех форм собственности, законодатель должен исходить из требования соразмерности этих мер тому вреду, который причинен в результате правонарушения. Потому уголовная ответственность за посягательства на собственность может считаться законно установленной и отвечающей статьям 19, 54 и 55 Конституции Российской Федерации лишь при условии, что она адекватна общественной опасности преступления, признаки которого, отграничивающие его от иных противоправных – и тем более от правомерных – деяний, ясно и четко сформулированы в уголовном законе, встроенном в общую систему правового регулирования.

3. Пункт «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за кражу, т.е. тайное хищение чужого имущества, совершенную с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище. Согласно пункту 3 примечаний к этой статье под

помещением в статьях главы 21 «Преступления против собственности» данного Кодекса понимаются строения и сооружения независимо от форм собственности, предназначенные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях, а под хранилищем – хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки территории, трубопроводы, иные сооружения независимо от форм собственности, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей.

Под понятия «помещение» и «иное хранилище» в целях уголовно-правовой охраны общественных отношений на основании пункта «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации подпадают разные объекты гражданских прав (статьи 128 и 130 ГК Российской Федерации). Например, по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) может предоставить арендатору (нанимателю) за плату во временное владение и пользование или во временное пользование здания, сооружения, нежилые помещения (статья 606, пункт 1 статьи 607 и пункт 1 статьи 650 ГК Российской Федерации).

Вместе с тем названные объекты гражданских прав должны отвечать признакам, перечисленным в пункте 3 примечаний к статье 158 УК Российской Федерации. При этом понятиями «помещение» и «иное хранилище», используемыми в пункте «б» ее части второй, не охватываются жилые помещения. Согласно примечанию к статье 139 «Нарушение неприкосновенности жилища» данного Кодекса под жилищем в этой и других его статьях понимаются индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания. Уголовная ответственность за кражу с незаконным проникновением в жилище предусмотрена пунктом «а» части третьей статьи 158 данного Кодекса.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в абзаце первом пункта 18, абзацах первом и втором пункта 19 постановления от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъяснил следующее. Под незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище следует понимать противоправное тайное или открытое в них вторжение с целью совершения кражи, грабежа или разбоя. Проникновение в эти строения или сооружения может быть осуществлено и тогда, когда виновный извлекает похищаемые предметы без вхождения в соответствующее помещение. Решая вопрос о наличии в действиях лица, совершившего кражу, грабеж или разбой, признака незаконного проникновения в жилище, помещение либо иное хранилище, судам необходимо выяснять, с какой целью виновный оказался там и когда возник умысел на завладение чужим имуществом. Если лицо находилось там правомерно, не имея преступного намерения, но затем совершило кражу, грабеж или разбой, в его действиях указанный признак отсутствует. Отсутствует он и в случаях, когда лицо оказалось в жилище, помещении либо ином хранилище с согласия потерпевшего или лиц, под охраной которых находилось имущество, в силу родственных отношений, знакомства либо находилось в торговом зале магазина, в офисе и других помещениях, открытых для посещения гражданами.

Тем самым пункт «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации дифференцирует ответственность за посягательства на собственность, обеспечивая гарантии ее защиты от противоправных действий третьих лиц и учитывая повышенную общественную опасность изъятия чужого имущества из помещения либо иного хранилища, предназначенного для обеспечения его физической сохранности. А потому наличие такого признака состава преступления, как незаконное проникновение в помещение либо иное хранилище, устанавливается исходя из противоправной цели проникновения (для хищения чужого имущества), момента возникновения умысла на совершение хищения (до окончания проникновения в помещение либо иное хранилище) и отсутствия у виновного лица права на доступ в это помещение либо иное хранилище во время проникновения в него. Следовательно,

перечисленные признаки должны быть установлены судом и отражены в приговоре по конкретному уголовному делу.

При этом надо принимать во внимание, что, как видно из частей 1 и 2 статьи 7.27 КоАП Российской Федерации, при стоимости похищенного не более двух тысяч пятисот рублей от оценки того, имело ли место проникновение в помещение либо иное хранилище, зависит выбор между уголовной и административной ответственностью за кражу, а первая из них по определению влечет более существенные ограничения прав личности. Поэтому, хотя факт проникновения в помещение либо иное хранилище и устанавливается правоприменителем на основе положений уголовного закона с использованием гражданско-правовых институтов, вопрос о понимании данного термина приобретает конституционно-правовое значение.

4. В соответствии с пунктом 2 статьи 1 ГК Российской Федерации граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе; они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора; гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом или такими актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности. Сообразно этому они возникают в том числе из договоров и иных сделок, предусмотренных законом, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему (пункт 1 статьи 8 данного Кодекса). Вместе с тем при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники

правоотношений должны действовать добросовестно; никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункты 3 и 4 статьи 1 данного Кодекса).

В число гражданских прав входит и право собственности. В собственности граждан и юридических лиц может находиться любое имущество, за исключением того, которое в соответствии с законом не может им принадлежать (пункт 1 статьи 213 данного Кодекса). Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом, и он вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом (пункты 1 и 2 статьи 209 данного Кодекса). Собственник вправе в установленном порядке вверять осуществление своих вещных прав иным лицам, к примеру на основе договора поручения (статья 971 данного Кодекса). Он может передать свое имущество в доверительное управление другому лицу, причем такая передача не влечет перехода права собственности к доверительному управляющему, который обязан осуществлять управление имуществом в интересах собственника или указанного им третьего лица (пункт 4 статьи 209 данного Кодекса).

К способам защиты права собственности статьи 301–304 ГК Российской Федерации относят истребование имущества из чужого незаконного владения, а равно требование собственника устранить всякое нарушение его права, хотя бы это нарушение и не было соединено с лишением владения. Закрепленные этими статьями права – с учетом того что вещные права на имущество могут принадлежать лицам, не являющимся его собственниками (пункт 2 статьи 216 данного Кодекса), – принадлежат наряду с собственником и лицу, владеющему имуществом на праве пожизненного наследуемого владения, хозяйственного ведения, оперативного управления либо по иному основанию,

предусмотренному законом или договором; такое лицо имеет право на защиту его владения также против собственника (статья 305 данного Кодекса).

Соответственно, принадлежащее лицу на праве собственности или ином вещном праве имущество, в том числе подпадающее под признаки помещения либо иного хранилища по смыслу пункта «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации, может передаваться им по договору во временное владение и пользование другому лицу. Такая передача может осуществляться лицом, уполномоченным на то собственником (законным владельцем), или иным лицом, если из дальнейшего поведения правообладателя следует, что он принял условия такой передачи. Собственник (владелец), передавая находящийся в его собственности (законном владении) имущественный объект во владение и пользование другому лицу, добровольно ограничивает свои права на данный объект. При этом, по смыслу статьи 305 ГК Российской Федерации, права временного владельца данного объекта подлежат защите, в том числе против его собственника (владельца).

Кроме того, гарантированная статьями 34 (часть 1) и 35 (часть 2) Конституции Российской Федерации возможность иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими, а также свободно использовать это имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности предполагает, в частности, и возможность лица, которому передан во временное владение и пользование объект, подпадающий под признаки помещения либо иного хранилища по смыслу пункта 3 примечаний к статье 158 УК Российской Федерации, размещать, хранить и использовать внутри переданного ему объекта вещи и иное имущество, находящееся в его собственности или в собственности иных лиц, в соответствии с назначением имущества и места его размещения, хранения, использования.

Все это означает, что хищение такого имущества должно квалифицироваться по тем же правилам, по которым оно квалифицировалось бы, если бы похищенное принадлежало собственнику (владельцу) помещения либо иного хранилища. Как указывал Конституционный Суд Российской

Федерации, однородные по своей правовой природе отношения в силу принципа юридического равенства должны регулироваться одинаковым образом (постановления от 25 марта 2008 года № 6-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П, от 15 февраля 2022 года № 6-П и др.). Иное приводило бы к отступлению от требований Конституции Российской Федерации, ее статей 19 (часть 1) и 35 (части 1 и 2).

5. Передача лицом принадлежащего ему на праве собственности (ином праве) имущества по договору во временное владение и пользование другому лицу предполагает необходимость установления ими в этом договоре или в ином соглашении сторон в соответствии с действующим законодательством оснований и порядка доступа собственника (владельца) внутрь переданного им объекта. Данный вопрос может быть решен сторонами по-разному, исходя из их прав и законных интересов, предмета и вида договора, назначения переданного объекта и нормативных требований к его использованию (эксплуатации). При этом передача собственником (владельцем) имущества по договору во временное владение и пользование другому лицу, ограничивая вещные права собственника (владельца), как правило, не лишает его права контроля за переданным имуществом.

Так, применительно к арендным отношениям пункты 1 и 3 статьи 615 ГК Российской Федерации закрепляют, что арендатор обязан пользоваться арендованным имуществом в соответствии с условиями договора аренды или, если они в договоре не определены, в соответствии с назначением имущества, а в противном случае арендодатель имеет право потребовать расторжения договора и возмещения убытков. Тем самым арендодатель вправе осуществлять контроль за использованием арендованного имущества в соответствии с договором аренды либо с учетом назначения имущества.

Это предполагает возможность его доступа внутрь сданного им в аренду объекта лишь на условиях и в порядке, которые определяются законодательством, договором аренды, иным соглашением сторон. Стороны вправе предусмотреть право арендодателя на беспрепятственный доступ внутрь объекта в любое время. Поскольку арендуемый объект предоставлен

собственником (владельцем) арендатору (статья 611 данного Кодекса) в его владение, то именно на последнем лежит обязанность обеспечивать доступ арендодателя внутрь объекта. Причем сбалансированности прав и законных интересов сторон договора аренды отвечало бы право арендатора знать о посещении арендодателем (уполномоченным им лицом) сданного в аренду объекта и присутствовать при таком посещении лично или через представителя.

Кроме того, не исключено возникновение чрезвычайных ситуаций, угрожающих законным интересам собственника (владельца) имущества, переданного во временное владение и пользование другому лицу: аварии, возгорания и т.п. Это требует незамедлительного, хотя бы и не предусмотренного договором или иным соглашением сторон доступа собственника (владельца) внутрь соответствующего объекта без согласия его временного владельца и в его отсутствие (в отсутствие его представителя). Такой доступ сам по себе не может рассматриваться как неправомерный.

Следовательно, собственник (владелец) имущества имеет право на доступ внутрь объекта, переданного им во временное владение и пользование другому лицу, при наличии законного основания для этого (согласие временного владельца, осуществление контроля за использованием переданного имущества, устранение чрезвычайных ситуаций, другие предусмотренные законодательством, договором или иным соглашением основания). Поэтому в соответствии с частью четвертой статьи 7 и статьей 297 УПК Российской Федерации при рассмотрении уголовного дела в отношении лица, обвиняемого по пункту «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации в хищении чужого имущества из помещения либо иного хранилища, принадлежащего ему на праве собственности (ином праве) и переданного по договору во временное владение и пользование другому лицу, требуется установить на основе регулятивных норм, было ли ограничено в силу закона, договора или иного соглашения право доступа собственника (владельца) в указанное помещение либо иное хранилище, и если да, то в чем это ограничение заключалось. Неустранимые же сомнения в том, что такое ограничение было установлено, или в том, что у обвиняемого отсутствовало законное основание для такого

доступа, должны в целях применения уголовной ответственности толковаться в его пользу (статья 49, часть 3, Конституции Российской Федерации и часть третья статьи 14 УПК Российской Федерации).

Отмеченное распространяется и на передачу подпадающего под признаки помещения либо иного хранилища по смыслу пункта 3 примечаний к статье 158 УК Российской Федерации объекта его собственником (владельцем) во временное владение и пользование другому лицу на основании соглашения между ними, не отвечающего требованиям закона.

В частности, несоблюдение формы договора, на основании которого имущественный объект передан собственником (владельцем) во временное владение и пользование другому лицу, и порядка его заключения может в предусмотренных законом случаях влечь его недействительность в гражданско-правовом смысле, что, однако, не влияет на общественную опасность хищения из такого объекта. Несоблюдение формы и порядка заключения договора не должно ставить лицо, совершившее тайное хищение чужого имущества с незаконным проникновением в фактически переданное им во временное владение и пользование другому лицу помещение либо иное хранилище, в лучшее положение по сравнению с лицом, совершившим то же общественно опасное деяние, но заключившим договор в установленном законом порядке.

Иное не соответствует задачам уголовного закона, вступает в противоречие с принципами вины и справедливости (статьи 2, 5 и 6 УК Российской Федерации), не отвечает основополагающему требованию о том, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК Российской Федерации), тем более преступного, свидетельствует о нарушении равной и справедливой защиты права собственности, иных вещных прав, а потому противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1) и 35 (части 1 и 2).

6. Таким образом, пункт «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он предполагает, что под незаконностью проникновения в

помещение либо иное хранилище в качестве квалифицирующего признака кражи должно пониматься отсутствие предусмотренного законодательством, договором или иным соглашением основания для доступа лица внутрь принадлежащего ему на праве собственности (ином праве) объекта, подпадающего под признаки помещения либо иного хранилища по смыслу пункта 3 примечаний к статье 158 данного Кодекса и переданного во временное владение и пользование другому лицу, в том числе безотносительно к тому, была ли соблюдена надлежащая гражданско-правовая форма такой передачи. Конституционно-правовой смысл пункта «б» части второй статьи 158 данного Кодекса, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное истолкование этой нормы в правоприменительной практике.

Судебные решения, вынесенные по делу В.С.Великанова на основании пункта «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке. Пересмотру, в соответствии с пунктом 5 части третьей статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», также подлежат судебные решения по делам иных лиц, привлеченных к уголовной ответственности по пункту «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации за тайное хищение чужого имущества из принадлежащих им на праве собственности (ином праве) объектов, которые подпадают под признаки помещения либо иного хранилища и которыми временно владеют (владели) другие лица.

При этом соответствующие судебные решения могут быть оставлены в силе, если исходя из фактических обстоятельств будет установлено, что они основаны на истолковании пункта «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации, не расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 января 2023 года № 2-П).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

П О С Т А Н О В И Л :

1. Признать пункт «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он предполагает, что под незаконностью проникновения в помещение либо иное хранилище в качестве квалифицирующего признака кражи должно пониматься отсутствие предусмотренного законодательством, договором или иным соглашением основания для доступа лица внутрь принадлежащего ему на праве собственности (ином праве) объекта, подпадающего под признаки помещения либо иного хранилища по смыслу пункта 3 примечаний к статье 158 данного Кодекса и переданного во временное владение и пользование другому лицу, в том числе безотносительно к тому, была ли соблюдена надлежащая гражданско-правовая форма такой передачи.

2. Конституционно-правовой смысл пункта «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное истолкование этой нормы в правоприменительной практике.

3. Судебные решения, вынесенные по делу гражданина Великанова Валерия Сергеевича на основании пункта «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Прекратить производство по делу в части, касающейся проверки конституционности части первой статьи 17 УПК Российской Федерации.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)

№ 13-П

Конституционный Суд
Российской Федерации